

УДК 811.112.2'1

РИСКИ ВОЙНЫ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**(«человеческий фактор» в языке)***Л. А. Шарикова***RISKS OF WAR AS A CONCEPTUAL SENSE OF THE POLITICAL DISCOURSE****(«The human factor» in the language)***L. A. Sharikova*

Целью настоящего исследования является выделение концептуального смысла *РИСКИ ВОЙНЫ*, его интерпретация на материале текстов политического дискурса и определение так называемого «человеческого фактора», то есть субъектно обусловленных характеристик анализируемых смыслов.

The purpose of the present research is the allocation of conceptual sense *RISKS of WAR*, its interpretation on a texts material of a political discourse and the definition the so-called «human factor», that are the subject caused characteristics of the analyzed senses.

Ключевые слова: концептуализация мира, концептуальный смысл *РИСКИ ВОЙНЫ*, «человеческий фактор» в языке, политический дискурс.

Keywords: the world conceptualization, the conceptual sense *RISKS of WAR*, «the human factor» in the language, the political discourse.

Вся совокупная культура человечества, материализованная разными способами и средствами, отражает исторический процесс концептуализации мира человеком, создавшем для фиксации этого отражения разные инвентарные знаковые системы, в том числе и язык. Считается, что язык, как и другие инструменты материализации указанного процесса, в свою очередь отражающего деятельность человеческого сознания, были созданы человеком прежде всего для передачи информации себе подобным о мире, окружающей среде. Так ли это? Есть и другое мнение: эти инвентарные системы были созданы человеком для выражения своих чувств, эмоций, аффективных состояний, то есть для материализации своих рефлексов на себя и окружающий мир. На наш взгляд, здесь нет противоречия, и вряд ли следует противопоставлять эти две цели создания материализующих сознание систем, поскольку человек также соотносит себя с миром, являясь его частью, и все, что он воспринимает, субъектно обусловлено как результат деятельности его же сознания.

Благодаря новой – антропологической – исследовательской парадигме, сложившейся в конце прошлого века, и выделению и развитию внутри нее таких новых исследовательских направлений, как когнитивная лингвистика, лингвокультурология, метафорология, теория дискурса и других, стало возможным исследовать принципы деятельности сознания человека, в том числе фиксируемые системами естественных языков. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем смыслы представляют собой некую коллективную концепцию. Свойственный конкретному языку способ вербализации концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, поэтому носители разных языков могут вербально отражать мир по-разному, через призму своих языков [1, с. 112]. Однако есть смыслы, которые концептуально важны для всех людей, независимо от этнической/ национальной и

религиозной принадлежности, возраста, пола, образования и т. д. К таким универсальным концептуальным смыслам относятся смыслы *МИР* как пространство существования человека, *ЖИЗНЬ*, *ВОЙНА* как одна из самых распространенных угроз жизни человека, живого существа и мира в современной истории человечества.

В рамках когнитивной лингвистики эти смыслы исследуются сегодня по-разному: как когниции, концепты, концептуальные метафоры и пр. Это зависит от ракурса исследования, поставленной автором цели, общей методологии и зависящих от нее исследовательских методов и приемов. Все перечисленные современные термины, их выбор и дефиниции есть лишь условности исследовательского процесса, в любом случае имеющие объективно и/или субъективно установленные ограничения. Общее, что их объединяет и определяет их сущность, есть их ментальная природа [К. И. Алексеев, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, М. Блэк, Ю. Н. Караулов, А. В. Кирилина, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, R. Pörings & U. Schmitz, M. Schwarz, W. Sucharowski, M. Zach etc.], поскольку все они называют разным образом рассматриваемые результаты деятельности сознания, **смыслы**. Важно, что эти смыслы в рамках концептуальной лингвистики могут раскрывать не только процесс рациональной вербализации, но содержат в себе субъектно обусловленные черты, которые иначе называют «человеческим фактором» и соответственно позволяют их анализировать, что актуально не только для лингвистов, но и для прочих исследователей, представителей гуманитарных и негуманитарных наук, фундаментальных и прикладных направлений, так как все исследователи (как и все люди) пользуются языком.

Война всегда воспринимается человеком как опасность, риск для его жизни, что заложено в основном инстинкте – инстинкте самосохранения любого живого существа. Согласно дефиниции поня-

тия, война есть крайне опасное, агрессивное проявление отношений (реляций) между субъектами. С самого начала развития человеческих отношений и становления государственности во всем мире существовал этот тип отношений, как способ защиты, обороны от врагов, самоутверждения, упорядочения жизни, установления господства и создания иерархии как внутри, так и вне отдельного государства. В истории любой страны можно проследить цепочку военных эпизодов.

В настоящей статье исследуется концептуальный смысл рисков войны в текстах политического дискурса. Актуальность исследования определяется необходимостью дальнейшего изучения и развития теории КС и выделения принципов концептуализации, называемых «человеческим фактором». Актуальным для концептуальных исследований представляется также материал исследования – тексты современного ПД, представляющие собой выступления немецких политиков на заседаниях комиссий парламента ФРГ, Евросоюза по поводу военного конфликта России и Грузии в Южной Осетии, датируемые августом–сентябрем 2008 г. Настоящее исследование проводилось на основе совмещения когнитивной методики и интерпретативного описания национального политического медиадискурса отдельного политического события – Пятидневной войны в Грузии. Данное исследование направлено на изучение современного политического языка, характерного для упомянутого выше политического периода. При отборе текстовых материалов для исследования был использован широкий подход, при котором допускались не только тексты, созданные собственно политиками, но и тексты, посвященные данной политической проблеме. Как отмечает П. Серио, не существует высказывания, "в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения" [2, с. 21]. При этом учитывалось и имплицитное содержание сообщения, соотносимое со сферой политики. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знаний (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), то есть, исследуя дискурс, "мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего" [3, р. 84]. Под «дискурсом» понимается деятельностное культурное пространство (сфера), содержащее этнокультурно окрашенную ценностную информацию (знания), материализуемую устно или письменно, вербально и невербально.

Концептуальный смысл, который заложен человеком в понятие «война», генерализованно может быть представлен семей «**Krieg als ein Risiko**» «вой-

на как риск, опасность», которая, благодаря своему интегративному характеру, может конкретизироваться, реализуясь в менее объемных, обобщенных смыслах по отношению к гиперсеме. Ниже выделены из анализируемого материала и интерпретируются смыслы следующего уровня, которые, в свою очередь, также могут быть разделены на еще более конкретные смыслы, составляя тем самым иерархически стройную смысловую структуру исходной гиперсемы.

Первый выделяемый смысл «**Krieg als Feuer, Brand**» «война как огонь, пожар» отражает извечный страх человека перед огнем – как стихией, которую человек с древних времен стремился «приручить», но также давно знает его страшную разрушающую силу, уничтожающую жизнь.

Риск ассоциируется, как правило, с теми конкретными средствами и инструментами, которые вызывают пожар: со взрывоопасными веществами (Pulverfass 'пороховая бочка', Zündstoff 'зажигательное вещество', die Lunte 'фитиль', Feuer 'огонь'), несущими угрозу жизни и деятельности человека.

1) *Florian Willershausen merkt im Handelsblatt an, dass das „Pulverfass Kaukasus“ erneut explodieren könnte.* „Флориан Виллерсхаузен отмечает в Хандельсблатт, что «пороховая бочка Кавказ» снова может взорваться».

2) *Der Konflikt im Kaukasus sorgt für Zündstoff.* „Конфликт на Кавказе готов разгореться (букв. – следит за зажигательным веществом)».

Выделяемый концептуальный смысл указывает на сущность войны, которая в данном случае однозначно выражается как рукотворный акт, который создается человеком, точнее, минимум двумя сторонами, доведшими свои отношения до огнеопасной стадии. Зная опасность войны как уничтожающей силы, стороны реляционного процесса «играют» рисками, называемыми «огнем»:

3) *"Beide Seiten spielen mit dem Feuer", stellt Uwe Halbach fest, Kaukasus-Experte der Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP).* «Обе стороны играют с огнем», – констатировал Уве Хальбах, эксперт по Кавказу фонда науки и политики».

Человек проверяется на крепость его внутренней позиции, способности принимать решения и доводить их до исполнения именно в экстремальных ситуациях. Если такая позиция обнаружена и «пожар войны» получается потушить, тогда язык зафиксировал этот образ как образное выражение Feuertaufe bestehen 'пройти испытание огнем', букв. 'пройти крещение огнем', устойчивость которого доказывает длительное его применение в речи и фиксируемое в сознании человека устойчивое качество этого образа. И образ, и его языковое выражение восходят своими лингвокультурными корнями к бурной религиозными страстями эпохе средневековья, когда верность христианина проверялась огнем (иногда – водой, как противоположной, по мнению человека, природной стихией, подвластной Богу, сверхъестественным силам). Этот образ понятен

любому человеку, поскольку хоть раз в жизни каждый испытывал боль от ожога на себе:

4) *Die Welt: Medwedews Feuertaufe. Заголовок газеты «Ди вельт»: 'Боевое крещение Медведева'.*

5) *Putin und Medwedjew haben beide als Präsidenten ihre Feuertaufe im Kreml mit Kriegen bestanden, für Putin war die Schlacht gegen Georgien sogar schon der zweite Waffengang nach der Strafexpedition in Tschetschenien. 'Путин и Медведев в качестве президентов Кремля, оба выдержали боевое крещение войной'.*

Есть и другие вербальные единицы, менее образные, но синонимичные вышеприведенной, выражающие те же смыслы, но с более спокойной, нейтральной образностью:

6) *Medwedews Bewährungsprobe. 'Боевое испытание Медведева'.*

7) *Der Georgien-Konflikt war die erste große Bewährungsprobe für den neuen Staatschef. 'Грузинский конфликт был первым большим боевым испытанием для нового главы государства'.*

В анализируемом материале субъектом «крещения огнем», то есть проверки на прочность выбранной позиции и верность своему долгу согласно занимаемой государственной должности, выступает конкретная политическая личность – президент, премьер-министр государства Российская Федерация, что в качестве персонифицирующего средства часто применяется в текстах публицистического дискурса, но в политическом дискурсе на сегодняшний день отмечается новая, но уже устойчивая тенденция – наименование не коллективной (страна, государство, народ, военное подразделение и пр.), а единичной политической реалии, репрезентирующей коллективную политическую единицу (примеры 4 – 7).

Риск военного конфликта часто заключается во временном видимом его затухании (примеры 1 – 2). Постоянные риски раздувания огня, начала активных военных действий держат в страхе человека: в следующем примере война приобретает еще один дополнительный оттенок смысла – как нечто незаконченное, незавершенное, недоведенное до конца, способное в любой момент выйти из-под контроля:

8) *Und ein tatsächliches Kriegsende steht auch noch aus. Im Kaukasus glimmt die Lunte weiter. 'Фактический конец войны еще далеко. На Кавказе все еще продолжает тлеть фитиль'.*

Существительное die Lunte означает 'фитиль, бикфордов шнур', но в сочетании с глаголом glimmen 'тлеть, теплиться', часто употребляющемся в переносном значении (die Hoffnung glimmt nur noch 'еще теплится надежда') образует двужанную языковую единицу, которая может использоваться и в прямом, и в переносном значении, нагнетая тем самым опасность выражением незавершенности процесса горения, возможности при малейшем неверном движении, действии человека малой искре превратиться в огонь.

До сих пор рассматривались языковые единицы, называющие предметы и процессы, соотносимые с

деятельностью человека (das Pulverfass, der Zündstoff, die Lunte, mit dem Feuer spielen, Feuertaufe bestehen, glimmen). Человек давно научился создавать и тушить огонь, но не его стихийное проявление – огромный пожар, внезапное извержение вулкана, мощь огненной лавы или огня молнии. Огонь и как его следствие – пожар, как стихию, то есть неуправляемую огромную силу, уничтожающую все на своем пути, человек и сегодня далеко не всегда легко и быстро может остановить при всем наличии современной техники и новых технологий, при консолидации континентальных и межконтинентальных человеческих ресурсов, что постоянно вызывает тот страх, который сопровождает человека в течение всей его истории перед этой великой силой. По этой причине в анализируемом материале встречается употребление метафоры войны как вулкана, естественного явления, объекта природы, воспринимаемого как часть ландшафта, неживого предмета до тех пор, пока он не начнет действовать. Его извержение вербализует мощный молниеносный бессознательный и неподдающийся сознанию, не испытывающий ничего к уничтожаемым им объектам природы и живым существам, смысл, приписываемый ему человеком, выражаемый через инхотативный глагол разрушения ausbrechen и его именную производную der Ausbruch:

9) *Seit vielen Jahren ist der Vulkan im südlichen Kaukasus aktiv, wenig überzeugend wäre es, seinen Ausbruch nun allein Russland anzulasten. Der georgische Heißsporn Michail Saakaschwili hat die Offensive in Südossetien befohlen.*

Вулкан в горной системе, которой является Кавказ, мог бы восприниматься в прямом значении, если бы не упоминание России в качестве ныне единственной силы, «вызвавшей его извержение». Тему огня продолжает и наименование другой стороны конфликта – Грузии, через упоминание имени президента этого государства, который назван Heißsporn 'горячий человек, сорвиголова', букв. 'горячий толчок, стимул', начавший военные действия, отдав приказ о наступлении на Южную Осетию, который и есть конкретная причина начала военных действий на Кавказе. Очень символично употребление такого стилистически окрашенного слова в политическом дискурсе для наименования главы государства, принесшего своему народу присягу, согласно которой он должен был бы отвечать всеми своими продуманными и взвешенными действиями за судьбы населения страны. Это существительное недвусмысленно оценивает действия данного грузинского политика, как незрелого, подверженного влиянию, слишком эмоционального субъекта, вряд ли способного отвечать за себя, не говоря уже об ответственности за политику всего государства.

Итак, метафорическая вербализация рисков войны выделяет следующий концептуальный смысл, приписываемый ей как концептуальной репрезентативной единице человеком из-за непредсказуемости и неуправляемости человеческих отношений, – '**Krieg als eine Naturkatastrophe**' «война как сти-

хийное бедствие». Если отбросить образность этой концептуальной метафоры и выразить ее смысл более рационально, то формула будет выглядеть более логично **‘Krieg als eine Relationskatastrophe’** «война как катастрофа отношений (людей, стран, государств)».

Четыре стихии: вода, огонь, воздух и земля выступают в роли разрушительной, неуправляемой силы, спонтанно возникающей и неподдающейся контролю. Важно отметить, что названные стихии в общем понимании обеспечивают существование человека в мире: дают возможность пить, есть, дышать, удовлетворять свои физиологические потребности. Однако в вышеописанном материале этот онтологический положительный смысл мира и стихий в нем не был представлен ни одним примером. В сравнении со стихией, имеющей двоякий экзистенциальный смысл для человека (как положительный, так и отрицательный), война как концептуальная единица релятивного характера несет в себе лишь негативное, разрушительное воздействие на человека и его социальное, жизненное пространство:

10) *Der Krieg war das Ergebnis eines vorangegangenen „Reifeprozesses“, Ausbruch des Georgien-Kriegs,...*

11) *Die Ansage hat eigentlich mehr symbolischen Charakter, muss nicht als gefährliche Eskalation zwischen Russland und dem Westen gesehen werden.*

Социальные процессы, выражаемые в форме военных конфликтов, передаются крайне образно через наименование характеристик, качественных проявлений стихий, доступных человеческим естественным органам чувств:

– слуху:

12) *All das Getöse (бушевание, гул, рокот, вой ветра) um die neue strategische Bedeutung, den starken Rohstoff-Hebel, die militärische Schlagkraft und die Einfluss-Politik in der unmittelbaren Nachbarschaft entpuppt sich bei näherer Betrachtung vor allem als Kraftmeierei.*

– зрению:

13) *Augenzeugen sprechen von einem Blutbad (кровавая ванна, бассейн), das sich in der Nacht zum Samstag in der Hauptstadt Zchinwali ereignet habe.*

– слуху и зрению:

14) *Die Konfliktparteien könnten mit ihren ständigen Provokationen eine schwere bewaffnete Konfrontation hochschaukeln (высоко раскатать).*

15) *Der Ausbruch (начало, взрыв) der kriegerischen Auseinandersetzung zwischen Russland und Georgien im August 2008 wirft die Europäische Union in diesem Bemühen zurück...*

16) *Neben dem gerade wieder offen ausgebrochenen Konflikt (открыто начатый, разразившийся) um Südossetien existieren der ähnlich gelagerte Konflikt zwischen Georgien und Russland um Abchasien sowie der Konflikt zwischen Armenien und Aserbaidschan um Berg-Karabach.*

17) *Seit vier Jahren, als Georgien das Konfliktfass mit einer militärischen Aktion in der Hauptstadt wieder*

zum Brodeln (кипение, бурление) brachte, komme Südossetien nicht zur Ruhe.

– зрению и осязанию:

18) *Der Georgienkrieg nämlich hat nicht nur zwei bis dahin tiefgefrorene (глубоко, сильно замороженные) Konflikte im Schnellverfahren wie in der Mikrowelle aufgetaut, ... - война – еще и катализатор (политических отношений)*

19) *Von einem "eingefrorenen Konflikt" (замороженный) könne im Südkaukasus jedenfalls keine Rede mehr sein.*

20) *In Georgien kristallisiere sich, ..., ein neuer Ost-West-Konflikt, der bereits im Kosovo sichtbar geworden sei.*

21) *Zunächst auch die Nachricht von einem russischen Vorstoß (ударное движение, резкий удар вперед) auf die georgische Stadt Gori.*

22) *...wenn Russland zwei Krisen - Abchasien und Ossetien – immer wieder anheizt (подогреваем)?*

– обонянию и зрению:

23) *Auch in Abchasien, der anderen abtrünnigen georgischen Provinz, schwelt (млеет, дымится) der Konflikt.*

24) *Doch nicht nur die Trümmer in Südossetien, in Abchasien und in Georgien glimmen (млеют, дымятся) noch.*

Следующий концептуальный смысл, объясняющий риски войны, можно сформулировать как **‘Krieg als Schreck’** «война как испуг/страх/ужас». Называя ощущения, вызванные произошедшими военными событиями, зачастую указывается страх как физиологическая реакция человеческого организма (например, холодный пот, мурашки по коже и пр.):

25) *„Der Anblick russischer Panzer, die in Teile eines Nachbarlandes einmarschieren, hat vielen einen kalten Schauer den Rücken heruntergejagt (испугал до холодного пота на спине)“, sagte der britische Außenminister David Miliband.*

26) *Wir müssen keine Invasion fürchten (бояться, приходиться в ужас), wir sind Nato-Mitglied.*

27) 30) *Ich halte überhaupt nichts von einer Dämonisierung Russlands (библейский мотив: ужас, наделяющий кого-то демоническими чертами).*

Все люди по природе своей одинаковы и испытывают одни и те же реакции на внешние раздражители, на ощущение опасности. Страх перед войной – как перед смертью, физической и моральной болью, как реакция самосохранения, возникает у всех людей, независимо от причастности и удаленности от центра событий. В анализируемом немецкоязычном материале актуализуется концептуализация «чужой» войны, происходящей не на территории стран-членов Европейского Союза и других государств Европы, но опасность и ужас перед войной выражаются этими политиками, может быть менее разнообразно, но не менее конкретно и совершенно однозначно:

28) *Nach den Bildern von den russischen Panzern in Georgien – die sich auf fatale Weise mit der Erinnerung an die Niederschlagung des Prager Frühlings vor 40 Jahren überlagerten – ist Russland für Estland, Lett-*

land, Litauen, Polen und wohl auch die Tschechische Republik kein Partner mehr, sondern eine Bedrohung.

29) Sie teilen nicht die neu aufgeflamte (вновь воспламененный страх) Angst vieler im Westen vor der "russischen Gefahr"?

30) ... die Bevölkerung lebt in ständiger Kriegsangst.

31) Und die Russen rücken immer weiter mit ihren Panzern vor, um Panik zu säen.

32) Nach dem Georgien-Krieg fürchtet der Westen eine Aggression Russlands gegen die Ukraine.

33) In den neuen EU-Mitgliedstaaten im Osten, wo das Geschehen in Russland aufgrund von schlechten historischen Erfahrungen ohnehin mit einer argwöhnischen Aufmerksamkeit betrachtet wird, sind durch die Intervention in Georgien die schlimmsten Ängste bestätigt worden.

В примере (31) использована языковая метафора, выраженная сочетанием Panik säen 'сеять панику', которая, будучи далеко не новой стилистической единицей, порождает яркий образ жуткой опасности. Глагол säen 'сеять' в своем прямом значении относится к сельскохозяйственной лексике и обозначает действие кого/ чего-либо (чаще – человека, механизма, ветра) по распространению семян растения на какой-то площади, территории (грядке, поле и пр.). В сочетании с наименованием проявления массового страха, ужаса, обозначаемым существительным Panik 'паника', глагол säen теряет свое прямое значение, приобретая переносное – 'быстро и на большие массы людей (= социальные площади) распространять нечто негативное, агрессивные, неуправляемые проявления эмоций, предполагающие печальные, ужасные последствия для них же'. Таким образом, можно заметить следующее: страх, ужас войны, сами являющиеся исходно следствием страха перед противником и своей несостоятельностью принять своевременно и взвешанно правильные, рациональные решения, порождают ужас перед ее непосредственным проявлением (битва, бой, бомбардировка, взрывы, стрельба и пр.) и ее последствиями (боль, горе, страдания, лишения, потери, смерть).

Следует выделить еще один важный смысл военных рисков: '**Krieg als Angst**' «война как страх», выраженный в примерах (29 – 30, 33) и вызванный стесненным состоянием субъекта, о чем свидетельствует этимологическая характеристика имени существительного die Angst: "... (mhd. angst, ahd. angust) gehört im Sinne von 'Enge, Beklemmung' zu der idg. Wortgruppe von eng. Vgl. z. B. aus anderen idg. Sprachen lat. angustus 'eng' angustiae 'Enge, Klemme, Schwierigkeiten'..." [4, s. 38]. Это страх не физиологического, а более рационального уровня: живое существо, человек сдавлен (изначально, возможно, непосредственно, но этимология демонстрирует метафорический смысл – трудности, стеснение, удручение, подавленное состояние) некими обстоятельствами, которые его беспокоят. Это проявляется в сомнениях, предчувствиях, беспокойстве из-за конкретных причин:

34) **Welche Folgen der jüngste Waffengang für den gesamten Kaukasus und für alle Nachbarn des Riesenreichs haben wird, lässt sich nicht nur erahnen** (предчувствовать, предугадывать).

35) Er könne "nur hoffen, dass die letzten Tage allen eine Lehre sind. Wenn es nicht gelingt, die Eigendynamik von Konflikten zu brechen, **geraten sie außer Kontrolle**."

36) Die Besorgnis über den übermächtigen Nachbarn entspringt also nicht nur der jüngsten russischen Offensive im Kaukasus.

37) Im Südkaukasus ist genau das passiert, was nur noch eine Frage der Zeit war. (как стихийное бедствие, что нельзя предсказать, предугадать, но что долго созревает).

Изначальное необдуманное, подверженное сиюминутным эмоциям и политическим амбициям поведение субъектов реляции (чаще одного, но возможно и обоих), приводящее из-за страха перед противником к решению вступить с ним в отношения войны, приводит людей в ужас, страх, который далее усиливается в геометрической прогрессии: страх порождает страх. В этой ситуации человеку уже трудно начать контролировать себя (свое поведение, эмоции, решения) и саму ситуацию. Для внешних наблюдателей, непосредственно не участвующих в данном релятивном процессе, как правило, нелегко объективно понять и оценить эту обстановку, так как это тоже субъекты, испытывающие свои страхи и ужасы, поскольку все субъекты в сегодняшнем мире (с учетом новых технологий уничтожения жизни и современной техники, накопленной в нерационально огромном количестве) находятся в каких-либо отношениях: территориально и/или исторически культурно в более или менее близких. Поэтому при разжигании военного конфликта невозможно обнаружить политического субъекта, не проявляющего никаких отношений к нему и его участникам непосредственно либо опосредованно, через отношения кооперации, союзничества, корпоративности или просто из-за экологической опасности, трансферного неудобства.

В связи с этим политики, как и прочие люди, выражают мнения о субъектах конфликта, сразу дают достаточно резкую и однозначную оценку их действиям, не думая о последствиях своей беспечной однозначности (безапелляционности: пример (29) "russische Gefahr"):

38) "**Russland hat das Maß überschritten**."

39) Sie sehen keine Mitschuld Moskaus, keine Unverhältnismäßigkeit im Vorgehen der russischen Militärs?

40) USA werfen Russland "Terrorkampagne" vor.

Не разобравшись в сути конфликта, политики других стран обвинили Россию в нападении на Грузию. По прошествии некоторого времени, в течение которого были собраны сведения, доказательства, свидетельства в том числе и политических деятелей, независимых наблюдателей от Евросоюза, этим субъектам пришлось признать свою ошибку в оценке событий на Кавказе. Хотя в уже приведенных

выше примерах видно, что и в плане истории отношений России, Осетии и Грузии, и в плане современных отношений этих стран и народов, европейские политики показали свою некомпетентность (пример (33) содержит безликое, размытое объяснение причин таких отношений России и кавказских государств *'aufgrund von schlechten historischen Erfahrungen'*, которое в таком виде вряд ли могло бы быть высказано русским или кавказцем).

Развитие метафорического процесса, представленное в выделенных концептуальных смыслах рисков войны, можно изобразить следующим образом: «агрессивные природные стихии, чувства и эмоции» -> «человеческие отношения» с развитием специфики этих отношений в сторону большей конкретности: ухудшение отношений -> разделение на два лагеря (Widerstand, Zwietracht) -> «агрессивный, насильственный способ отстаивать собственные интересы». Этот многоступенчатый акт метафоризации демонстрирует развитие процесса концептуализации исследуемого фрагмента действительности, особенности которого зафиксированы в языковых единицах, в их разноуровневой языковой характеристике.

Однако, вследствие того, что это явление предполагает наличие как минимум двух противодействующих сил и оппозицию «свой-чужой», воспринимается оно не однозначно, вызывает много споров как с одной, так и с другой стороны. В СМИ категорично и односторонне зачисляются основные участники описываемого процесса в разряд слабых или сильных противников, в вопросах корреспондентов в интервью с немецкими политиками звучат провокационные вопросы, переспросы, требующие одностороннего ответа. Одновременно с этим, речь политических деятелей осмысленна, сдержанна в отношении прямых и категоричных заявлений, в ней чувствуется основательная подготовка и продуманность высказываний.

Заметим, что все выделенные концептуальные смыслы рисков войны, как, впрочем, и других фрагментов и их проявлений в мире, так же как и их номинации, дефиниции этих номинаций, перечисление их характерных черт и прочее, есть часть культуры человека вообще и конкретных людей, представителей определенного народа, нации. Первое является причиной облигаторной модальности оязыковления смыслов, в чем обязательно и всегда находит свое выражение «человеческий фактор» их порождения, выделения и вербализации, что относится к основам процесса концептуализации мира как процесса ментальной ориентации человека в нем. Второе разделяет людей на разные этносы, народы и нации, а значит, и более или менее древние культуры, в рамках которых общечеловеческие концептуальные смыслы будут представлены по-разному, с учетом отношения к ним как «своим» или «чужим». Выделенные смыслы представляют собой результат оценивания человеком концептуализируемого фрагмента действительности: **что/ кто это? Каково/ каков он/ она/ оно/ они? Как себя проявляют?** Однако одновременно в сознании человека происходят не-

сколько процессов, составляющих процесс концептуализации: восприятие фрагмента действительности (процесс оценивания), выделение характеризующих его смыслов, оценка по признаку «свой – чужой» (оценивание данного концептуального смысла в конкретной ситуации по отношению к себе), проявление чувств и эмоций и оценка ситуации. Таким образом, этот процесс многокомпонентен, на каждом своем этапе устанавливаются разные уровни и соотношения его рефлексивных, саморефлексивных компонентов, значит, конечный результат каждого из уровней не может быть конечным результатом всего процесса. Для валидности выводов, конечных оценок требуется более длительное время. Это понимание человеком также заложено в систему языка на всех его уровнях и во всех его межуровневых связях: вербализация смысла всегда модальна (оценена субъектом в отношении события и содержит его отношение к сообщаемому), что обуславливает облигаторное наличие «человеческого фактора» в языке, так как человек, создавший язык как одну из наиболее им используемых инвентарных знаковых систем для материализации деятельности своего сознания, подсознательно выражает неуверенность в конечности, абсолютности своих знаний и тем самым актуализирует смысл бесконечности процесса познания мира субъектом.

Литература

1. Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина. – М., 1997. – 576 с.
2. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций [Текст] / П. Серио // Квадратура смысла. – М., 2002. – С. 90 – 94.
3. Yule, G. Pragmatics [Текст] / G. Yule // 2nd ed. Series Editor H. G. Widdowson. – Oxford: Oxford University Press., 1996. – 138 p.
4. HW – Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache [Текст]. Die 3. Aufl. – Bd. 7. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Bibliographisches Institut Dudenverlag, 2001. – 960 S.
5. Spiegel Online. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/i/6320>.
6. Frankfurter Rundschau. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6345>.
7. Konrad Adenauer Stiftung. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6360>.
8. Süddeutsche Zeitung. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6363>.
9. Handelsblatt. – URL: <http://www.robertamsterdam.com/cgi-bin/mt/mt-t.cgi/6372>.
10. <http://www.sueddeutsche.de/politik/284/45694/7/text/>.
11. http://www.osce.org/documents/html/pdf/0html/34085_ru.pdf.html.
12. <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,574847,00.html>.
13. http://www.eurotopics.net/de/presseschau/archiv/archiv_results/archiv_article/ARTICLE35813-EU-

Mission-im-Kaukasus.

14. <http://www.dw-world.de/dw/episode/0,,3785871,00.html>.

15. <http://www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Re/de/2008/10/2008-10-02-merkel-petersburger-dialog.html>.

16. [<erinformationen/Georgien/Kaukasuskonflikt.html>.](http://www.auswaertigesamt.de/diplo/de/Laend</p></div><div data-bbox=)

17. <http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Nachrichten/nachrichten.html>.

18. http://www.sozialwiss.uni-hamburg.de/publish/Ipw/Akuf/kriege_aktuell.htm.